

К вопросу об антиномиях марксизма: на примере рукописей раннего Маркса

Герман Преображенский

Доцент кафедры философии, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, Тюменская обл., 625003. E-mail: e1525@mail.ru

К вопросу об антиномиях марксизма: на примере рукописей раннего Маркса

Аннотация

В статье предпринимается попытка прояснить связь двух тенденций в марксистской онтологии — революционной и контрреволюционной — с антропологическим проектом раннего Маркса. Поясняется, каким образом занятия раннего Маркса античными натуралистами повлияли на его более поздние описания структурных моментов функционирования капитала. Отдельно рассматривается вопрос о чувственности и по-новому трактуется ее роль в раннем марксистском проекте. Вводится

эпикурейская гипотеза происхождения
понимания чувственности
у раннего Маркса.

Ключевые слова

Ранний Маркс, Эпикур, атомистика, чувственность, антиномия, революция, объективация, диалектика, отчуждение, овеществление

Сильные доктрины живут долго. Раз открыв какую-то дверь в этой истории, ее непросто бывает затворить для того, чтобы дать отголоскам утихнуть. Случается, что концы интеллектуальных проводов просто повисают в воздухе, будучи уже давно отрезанными от станции, но мы видим их. Они становятся поводом для стороннего созерцания, простым объектом интереса, заново вписываясь в ландшафт. Часто даже не удается понять сразу, что они утратили смысл, контакт с реальностью, свою исконную призванность беречь и пестовать истину. Стало уже общим местом рассуждать как бы на руинах марксизма, стараясь так или иначе примирить его с существующим положением вещей в начале XXI века, и при этом говорить о новом начале или необходимости рассмотреть и переложить заново его отбеленные временем кости.

Традиционно сильной стороной марксистского учения, отличавшей его от остальных «форм теоретизирования», была связь с практикой и конкретностью, способность возвращаться к себе без успокоенного жизнью созерцания, умение работать над собой, обнаруживать прежде других собственные противоречия, выявлять бреши и недостатки, использовать их как новую стартовую площадку для движения. Марксизм как критическое учение работал сразу в обе стороны: и как форма переработки предшествующей идеологии, и как форма самокритики, уточнения и принятия собственных недостатков, разворачивания их в преимущества. Здесь важнейшей пружиной, не позволявшей марксистской традиции утратить силу и жизненность, была диалектика — способность учитывать и описывать противоречия собственных установок, детально их прорабатывать и рефлексивно переосмыслять. Если и есть в наследии Маркса к чему возвращаться сейчас, то это тезис о том, что «воспитатель сам должен быть воспитан»¹. Следует развивать этот тезис в услови-

¹ Третий тезис о Фейербахе (Маркс, Энгельс 1955б: 3).

ях современного «плоского мира», когда витки диалектической пирамиды уже не взмывают ввысь, а попросту ложатся рядом с уже бывшими, образуя формы прилегания, сминания ландшафта, новые блоки фундамента.

Для начала обрисую общую структуру видимых противоречий. Традиционно они были видны из самого диалектического разворачивания марксистского проекта и диалектики как метода реализации марксизма. Лишь постепенно обнаружилось, что черты этого диалектического движения все больше выступают как антиномии самого марксизма. Что, в свою очередь, подводит к переориентации общего понимания диалектики применительно к описанию марксистского проекта. Вместо того, чтобы стремиться к снятию противоречий как к промежуточному итогу движения, следует рассмотреть диалектический диспозитив², реализующийся в виде структурно неустранимых антиномий — деформирующих друг друга смысловых блоков. Представление диалектики через антиномии применительно к марксизму позволит раскрутить свиток его множественностей³, не вынуждая исследователей сводить эти множественности к единой доминанте. Сформулирую две антиномии марксизма, представив их здесь в структурно-описательной форме.

Первая антиномия: антиномия объективации

С одной стороны, отчуждение мыслится Марксом как овещствление, а современное капиталистическое состояние общества и общественных связей характеризуется как негативное и описывается в терминах овещствления, владения, присвоения и объективации. Соответственно, задача желательного образа действий (марксистского проекта) описывается им как преодоление этих отчужденных форм. Преодоление объективированных форм.

² Понятие «диалектический диспозитив» вводится мной в противоположность диалектическому «снятию с сохранением» и отражает амбивалентность диспозитива в использовании этого понятия у Мишеля Фуко и его же гомогенность объекту, в трактовке Жюлья Делёза (Подорога 2008).

³ Так, согласно мысли Георга Лукача, пролетариат не только снимает противоречия, характерные для буржуазии, но и утверждает новые противоречия. В этом его революционная роль. Пролетариат снимает противоречие между товаром и формой отношения, а утверждает и обнажает своим существованием противоречие между выхолащиванием форм овещствления и их количественным возрастанием, экстенсивным расширением — неспособность капитализма постигать явления иным способом, кроме внешней калькуляции (Лукач 2003: 288).

С другой стороны, понимание «надстройки», теоретических основ дискурса, критика идеологии строятся в марксистском проекте через некоторую редукцию — непринятие во внимание базовых тезисов обоснования внутри самой идеологии, теории и даже искусства в сочетании с предложением рассматривать эти основы исходя из товарно-денежных отношений и отношений к формам собственности. Тем самым происходит утверждение объективированных форм.

Вторая антиномия: антиномия революционности

С одной стороны, явным образом выступает ранний марксистский проект, который выстраивается на бессубъектной онтологии эпикурейцев и специфическом понимании чувственности (эпикурейская гипотеза)⁴. Обычно он маркируется как антропологический проект раннего Маркса (Кондрашов 2019). С точки зрения онтологии, он имеет интенцию к разблокированию любой акцидентальности сущего на разных уровнях: на уровне языковой определенности, на уровне индивидуальной идентичности и на уровне фиксации конкретных форм ставшего — вещей. Требуется преодоление акциденций в пользу становления⁵.

С другой стороны, имеется проект позднего Маркса, периода *Grundrisse* и «Капитала», где этот ранний революционный пафос постепенно угасает в толще текста и многочисленных примечаниях. Для зрелого Маркса более важной задачей становится

⁴ Изложение эпикурейской гипотезы представлено во второй части этой статьи.

⁵ Термин «акциденция», «акцидентальный» употребляется мной в классическом аристотелевском смысле всякой качественной определенности вещи (συνεπιρρότητα) помимо ее существования (сущности) (см.: Аристотель, Категории, 2b, 5–20). В связи акциденции со становлением у раннего Маркса находится категория времени. Маркс вслед за Эпикуром понимает время как «абсолютную форму явления» (Маркс 1975: 186–187): время есть «акциденция акциденции», смена как таковая, обнажающая в человеческой чувственности характер становящегося. «Время есть огонь сущности, вечно пожирающий явление и налагающий на него печать зависимости и несущественности» (Там же); и, наконец, «чувственность человека есть, таким образом, воплощенное время, существующее отражение чувственного мира внутрь себя» (Там же: 188). Чувственность человека, реабилитированная в коммунистическом проекте, есть смещение ее от фиксации ставшего, акцидентально закрепившегося, к «смене как таковой», к разблокированию вещей в становлении. Этим отношением к акцидентальности в равной мере определяются и незавершающийся характер революции, и авангардное искусство.

описание способов функционирования капитала. Он все больше стремится приоткрыть завесы над тайнами возникновения капитала и структурно описать его механизмы (Althusser 1977). Этот структурный период вторично закрепляет власть идеологии путем утверждения адекватных описательных процедур в качестве цели критики капитализма⁶.

Критика предъявлением

Наличие противоречивых тенденций обогащает марксистский проект, делает его более неоднозначным и, как следствие, более реальным, не сводимым только к одной из этих тенденций. В ходе развития марксистского проекта функционально на передний план выступали то одна, то другая из сторон этих антиномий. Они до сих пор сохраняют свою значимость, не будучи сами значительно переформулированы.

Объяснение антиномии № 1 через № 2 предполагает возможность реализации одного через другое — разблокирование ставшего происходит через предъявление и переописание ставшего в ином контексте. По сути дела, Маркс полагает концептуалистский жест (схожий с жестом концептуального искусства), опирающийся на удвоение контекста, как процедуру разблокирования ставшего. Он предлагает нам дар двойного зрения, когда один и тот же процесс предстает одновременно в двух различных контекстах, которые одинаково ценны и в равной мере несводимы к третьему — неустранимы в смысле *Aufhebung*. Эта операция реализуется, в частности, применительно к описанию товарного фетишизма, где товар является одновременно и вещью среди вещей и формой отношений, которые его фабрикуют (Марк 2018: 67–80).

Вот другой случай реализации этого принципа. В ранний период своей работы Маркс применяет его к анализу функции денег и определения их природы (Маркс, Энгельс 1975: 146–151). С одной стороны, деньги — универсальное обменное средство, они в прямом смысле слова обменивают вещи и сути вещей между собой.

В качестве извращающей силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным

⁶ Нечто вроде психоаналитической задачи разбора и осознания собственных скрытых мотивов, когда самим проговариванием и акцентированием в речи они уже выведены на передний край анализа и таким образом осознаны и устранены.

и прочим связям, претендующим на роли и значение самостоятельных сущностей. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость. (Маркс, Энгельс 1975: 150)

С другой стороны, деньги — это реализация человеческой воли к могуществу, прямое продолжение тяготения к господству, составляющего центр человеческой воли (Там же: 149). Деньги предстают здесь и как посредник между явлениями, и как главное явление. Такое двойное видение позволяет нам анализировать процессы и сущности, одновременно предполагая их двойное назначение и амбивалентную трактовку. Сила марксизма гарантируется использованием этого механизма.

Суть критики предьявлением как метода состоит в таком смещении контекста рассмотрения явления, в результате которого даже простая дескрипция этого явления уже становится его критикой. Если марксист критически настроен по отношению к капитализму, то даже самое отстраненное описание процедур работы капиталистических механизмов уже не закрепляет и поддерживает их незыблемый статус, а скорее колеблет его, отрицает, исходя из нового — коммунистического — контекста. Бедняк, пролетарий, на черно-белом фото, измазанный мазутом и одетый в лохмотья — это уже не простое изображение бедноты, вызывающее уныние, а критический лозунг, призыв к совести общества, надежда на восстание.

Понимание механизма критики предьявлением в ее марксистском применении раскрывает перед нами амбивалентный статус самой реальности: ее смысловые блоки, которые обычно трактуются через дихотомию наличие/объяснение (аналитическая традиция) или через дихотомию труд/капитал (экономическая модель), или же через фигуру знак/опространствование (деконструктивистская парадигма). Необходимо удерживать в несвернутом виде, не упрощая их в самом начале продуктивности, а сохраняя как можно дольше динамику их границ. Задача состоит в том, чтобы удерживать множественность отношения (Вирно 2013). Гегелевская диалектика только готовит почву для введения этого метода, показывая важность самого амбивалентного анализа, но потом переосмыслиется марксизмом именно со стороны фигуры «снятия с сохранением», которая есть не что иное, как спекулятивная форма прибавочной стоимости. *Aufhebung* скрадывает противоречия и примиряет их в снятии;

для Маркса важно, напротив, удерживать противоречия и предьявлять их в неснятом виде.

Критика предьявлением как один из методов марксизма сама обусловлена зависимостью от феномена Книги как ограниченного инструментария перемен и одновременно как образа самих перемен. Ставка Маркса на то, что мы можем создать некую книгу (гроссбух Капитала), которая станет не только формой спекулятивного пересчета и умножения критических, проблематических форм связывания феноменов современности, но и платформой для критики предьявлением как процедуры неустранимого удвоения данности,— ключевой движущий механизм «Капитала» вплоть до 1867–68 годов⁷. В то же время задача создания Книги капитала внутри себя всегда содержала то, на что любят указывать как на «утопический момент» или «утопическую интенцию» марксизма (Eagleton 2011), а именно — тенденцию усматривать бóльшую ценность в конструировании проекта желаемого состояния мира, нежели в дескрипции наличного состояния мира. Точнее, и глубже — критика предьявлением содержит предложение, даже оставаясь в рамках анализа, рассматривать любую дескрипцию современного социального порядка, исходя из конструктивистской интенции (будущего устройства, нового порядка и человека). Таким образом, в самой методической установке критики предьявлением можно усмотреть третью антиномию марксизма, не развернутую в прямое столкновение, а присутствующую в сложенном виде.

Зафиксируем **третью антиномию марксизма** в свернутой форме как начальную конструктивность критической дескрипции форм собственности и производства, которую Маркс (Marx 1973) допускает и реализует на страницах своих зрелых сочинений (*Grundrisse* и «Капитал»). Методика критики предьявлением работает у Маркса именно через вложенную в критическое описание современности конструктивистскую интенцию: «посмотрите, это так работает, и это нехорошо, потому что есть лучшее состояние, оно лучшее, потому что оно новое». «Лучшее, потому что новое» — парадоксальным образом в этой сентенции соединяется формула Книги и формула рынка⁸. Еще одна сильная сторона работы

⁷ См. об этом статью С. А. Яновской в томе математических рукописей Маркса (Маркс 1968: 3–25).

⁸ Стоит заметить, что феномен глобального рынка, провоцирующий эскалацию потребления, поиск все новых рынков сбыта (экстенсивное расширение) и ускорение самого процесса потребления товаров (интенсивное расширение) сам выражает стремление западноевропейской культуры к непрерывному об-

Маркса — объектная работа его критической теории — выстроена так, что сама конструкция «Капитала» как книги предъявляет нам ключевой механизм рынка и конкуренции, а заодно и амбивалентность любой благой вести — рыночного ресурса обновления⁹.

Таким образом, в первом приближении видно, как антиномия объективации и антиномия революционности реализуются через третью антиномию — **антиномию конструктивности**¹⁰. При такой трехчастной структуре речь не идет о некоем гегелевском снятии, как было отмечено в начале статьи. Речь может идти только о взаимосвязи трех антиномий, а не об устранении противоречия. То есть, три антиномии марксизма не сворачиваются в фигуре классовой борьбы или в идее необходимости экономических кризисов. Они предстают в роли ассамбляжа, где могут вступать

новлению (Sanyal 2007), оценке нового как аксиологически первичного, обезценивание всех непрогрессивных форм мысли и соучастия в бытии. Формула обновления, транслируемая в западно-европейском контексте, начиная с Нового завета, как свой результат имеет в экономическом плане реализацию в виде глобального рынка или в эстетическом плане в форме авангардного искусства, работающего на опережение и поиск все новых и новых форм, только потому что они способствуют утверждению предложений нового (Бодрийяр 2006).

⁹ В этой связи любопытная цепочка выстраивается между младогегельянскими представлениями о самосознании и Марксовой трактовкой критики религии. От точки зрения Гегеля на феномен самосознания как реализацию абсолютной Идеи младогегельянцы Бруно Бауэр и Давид Штраус приходят к пониманию феномена самосознания как производства индивидуального сознания в процессе социальных связей. Маркс продолжает эти размышления младогегельянцев и показывает, что сами установления общества в свою очередь произрастают на почве отношений в процессе производства и выражают экономические отношения, закрепленные в процессе труда и присвоения прибавочной стоимости капиталистом. Таким образом, подвергавшиеся критике у младогегельянцев фигуры христианской догматической веры находят у Маркса экономическое выражение и теперь уже могут быть объяснены исходя из процесса производства капитала. Формула рынка, позволяющая нам предпочитать новое старому, в целом находит свое выражение в понимании фигур Нового завета и переворачивании религиозной формулировки конструкции человеческого самосознания (Stedman Jones 2016: 93–97).

¹⁰ Поясню всю цепочку антиномий в виде рассуждения. Маркс в «Капитале» фактически не отменяет, а закрепляет формы капиталистического отношения через их дискурсивное описание. Оказывается, Маркс, делая это, предлагает нам посмотреть на процедуры и сущности из мира капитала двойным зрением — видеть и удерживать сам феномен (например, товарную стоимость или деньги) и в то же время способ, каким этот феномен работает. Такое двойное зрение становится возможным через **конструктивистскую интенцию критического описания** — удерживание проективной интенции (желаемое состояние — то, как оно должно было бы случиться) рядом с фиксирующей дескрипцией (то, как оно есть). Полемический пафос марксизма поэтому сродни силе художественного акта в духе концептуального искусства. Одна и та же сущность одновременно и предъявляется, и отрицается.

в различные, перекрывающиеся друг друга отношения (DeLanda 2006). Снятие противоречия здесь, собственно, и не нужно. Нужно удерживать само отношение становления и ставшего с помощью процедуры двойного зрения.

Существует несколько способов описания и удерживания этого удвоенного контекста¹¹, но все они по преимуществу являются попыткой описать условия языковой игры путем создания метаописательных процедур — задача благородная, почти божественная, но невозможная. Бог современной философии умирает именно в этом смысле невозможности иметь один проясняющий контекст. Мы пойдем другим путем — опишем генеалогическим образом источник такой двойной чувственности, обеспечивающий возможность появления метода критики предъявлением у Маркса, а затем перенесем акцент на саму проблематику чувственности, потому что именно метаморфоза чувственности, не проговариваемая ни в каком «общем контексте», и обеспечивает возможность установления критики предъявлением как марксистского метода.

Теперь перейдем к описанию **онтологического основания критики предъявлением**. Здесь центральное место занимает материалистическое понимание чувственности и эпикурейская гипотеза.

Попытаюсь описать онтологические установки, обеспечивающие функционирование критики предъявлением в круге тех антиномий, которые я предварительно обозначил. Для этого нужно будет обратиться к рукописям раннего Маркса и посмотреть, каким образом формировалась мировоззренческая и историко-философская обусловленность марксистского проекта. По сути, эта часть статьи представляет собой описание того, что можно назвать «эпикурейской гипотезой» в истолковании раннего Маркса (Преображенский 2011).

Напомню, что траектория теоретических установок раннего Маркса была такова (Лапин 1968): христианство (1835–37), юридические занятия и гегелевская спекулятивная диалектика (1837–38), эллинистическая физика (1838–39), экономические дисциплины и Фейербах (1840–44). Необходимо учитывать, что все это время изучение права и сочинение поэм (Attali 2005) составляют горизонт написания ранних сочинений Маркса. Обла-

¹¹ Например, к психоаналитической трактовке двойного видения прибегает Славой Жижек в книге «Параллаксное видение», фиксируя его работу на уровне отношения формы и содержания как в гегельянской традиции, так и в марксистской парадигме (Жижек 2008: 220–225).

стью моего специального интереса является обращение раннего Маркса к эпикурейской физике во время работы над докторской диссертацией и постепенное введение *Sinnlichkeit* в качестве центральной категории в проект социального переустройства общества. Поэтому, как мне представляется, более пристальное прослеживание развития этой категории позволит углубить понимание поставленной проблемы.

Интересующая нас проблематика изложена в следующих рукописях:

1835 год— гимназические сочинения: прежде всего «Единение верующих с Христом» (Маркс, Энгельс 1974: 590–593) и «Размышление юноши при выборе профессии» (Маркс, Энгельс 1974: 3–7).

1838 год— Тетради по эпикурейской философии (Маркс, Энгельс 1974: 21–140).

1839 год— Докторская диссертация (разбор эпикурейской физики) (Маркс, Энгельс 1974: 147–233).

1842 год— Статьи в Рейнской газете (*Rheinische Zeitung*), посвященные дебатам Рейнского ландтага (рассмотрение и критика репрессивных правовых установлений) (Маркс, Энгельс 1955а: 30–84; 119–160).

1843 год— Крейцнахские тетради (критика гегелевской спекулятивной философии) (Маркс, Энгельс 1955а: 219–368).

1844 год— Экономическо-философские рукописи (коммунистический проект) (Маркс, Энгельс 1975: 41–174).

Опираясь на ранние рукописи Маркса, можно проделать генеалогическое движение и показать этапы формирования идеи реабилитации чувственности в качестве ядра коммунистического проекта, который затем позволяет Марксу выстраивать дополнительный контекст в описанной мной процедуре критики предъявлением.

В 1835 году Маркс заканчивает гимназию и пишет небольшие выпускные сочинения. В них он формулирует свой ранний **антропологический идеал**, который предполагает следующие принципы:

1) Растворение индивида в социуме, так называемое «единство всех людей». На примере библейской метафоры (Ин. 15:5) виноградной лозы (Христос) и ягод винограда (отдельные индивиды) Маркс формулирует принцип социальности на свой лад. Ключевая идея здесь в том, что каждый отдельный индивид переплетен или сплетен с другими бесчисленными нитями, он находится в сети соединений. Эта первоначальная метафора очень важна, потому что, с одной стороны, она не дает Марксу

в более поздний период принять идею войны всех против всех как общую схему социального устройства, а с другой — содержит в себе идею бессубъектности; здесь каждый индивид принципиально разомкнут, он только фрагмент хитросплетения лозы как сети.

2) На первый взгляд противоположный этому принцип автономии и спокойствия как прерогативы мыслящего. Чтобы мыслить, необходимо быть «непоколебимым среди гула страстей», противостоять ярости и злобе, обретать спокойствие — по сути, это некая форма греческой «атараксии». Но этот элемент у раннего Маркса структурно не автономизируется, не производит корпускулярную идентичность, а ведет к самопревосхождению. Индивидуальность преодолевает свои границы для того, чтобы обрести ясность и спокойствие. Это близко идее «космического чувства» (*megalopsuchia*) у стоиков: большой масштаб вводится для создания нового контекста рассмотрения явления (Адо 2005: 287).

3) **Подвиг во благо всего человечества** [1]. Этот принцип следует из двух предыдущих. Только сверхценная идея, превосходящая индивидуальное существование, позволит, с одной стороны, обеспечить спокойствие индивидуального проживания каждого момента, а с другой, укрепить социальную связь и установить первенство общего над частным. Подвиг во благо всего человечества таким образом сохраняет и удерживает две предыдущих черты: единство всех людей и «свободу и спокойствие». Подвиг во благо всего человечества впоследствии образует основу для конструктивистской интенции — ключевого элемента третьей антиномии.

Таковы характерные черты, которые присутствуют уже в рукописях молодого Маркса и собирают его антропологический идеал, структурируют этические и смысловые координаты его будущего творческого пути. Сравнив эти параметры с последующей их реализацией, начиная с работы в Рейнской газете и в период эмиграции (Sperber 2013), мы увидим, насколько последовательна и живуча оказывается протестантская основа антропологического идеала, заложенная еще в гимназических сочинениях Маркса.

Теперь взглянем на окончание пути раннего Маркса, на «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В частности, мы обратимся к описанию огрубленной чувственности, *Sinnlichkeit* (Маркс 1975: 120–123), и будем двигаться с этой стороны, теперь уже в обратном порядке, назад к докторской диссертации. Главное, что мы видим в Рукописях 1844 года — это интерпрета-

ция отчуждения через чувственность. Отчужденное состояние при капитализме, которое у Маркса описывается через термины «присвоение» и «владение», фиксируется им со стороны формы действия как сокращение и огрубление возможностей воспринимать мир. Чувственность при капитализме — это **чувственность, зауженная потреблением** [2], деградировавшая; в ней на смену «всего внутреннего богатства» приходит лишь чувство обладания. Можно сказать, что все чувственное богатство здесь объективируется в вещи, а затем потребляется через владение. Широкий спектр всей человеческой чувственности при капитализме огрубляется (делается резким, негибким и пикселеподобным) и сужается до очень узкой лазейки или окошечка, через которое капиталистически определенный индивид смотрит на мир. Через это заужение делается возможным унификация всех чувств и их оценки, а, следовательно, облегчается их количественное измерение, выстраивается универсальная шкала значений, заменяющая собой искомое богатство чувственной включенности в мир (где чувства были бы несводимы друг к другу¹²). Возникает посредник в виде денег, стоимостной оценки, который как медиум определяет коммуникацию разобщенных капиталом вещей и органических связей. Отчужденная чувственность, точнее чувственность *в* мире и *для* человека отчуждения — это чувственность зауженная и огрубленная. Несколько ранее, в период работы в Рейнской газете и статьи о краже леса (Маркс, Энгельс 1955а: 119–160), эта характеристика пораженной чувственности была дополнена понятиями разрыва и прерывания: дискретность прогрессирует в отношении собственности до прерывания, а зауженность обладанием — до разрыва (Преображенский 2009а).

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс так определяет проблему чувственной деградации:

На место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство. Поэтому уничтожение частной соб-

¹² По сути своей деньги, в качестве абсолютной монетизации чувственности, представляют собой, с этой точки зрения, отчужденную синестезию чувств. В этом смысле работа различных форм симультанного искусства — кинематограф, театр, хэппенинг, новое искусство, а в особенности перцептивные сессии — является попыткой разблокирования и сведения заново возможностей синестезии.

ственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств. (Маркс, Энгельс 1975: 120)

Вопрос о чувственности так важен потому, что через это понятие трактуется отчуждение и объясняется социально-антропологический проект у раннего Маркса. Чувственность — это и перцептивное зеркало капитализма, и одновременно поле, в котором (через преодоление разрывов, заужения и деградации) устанавливается смысл коммунизма по Марксу. Когда товар описывается как вещь чувственная и сверхчувственная, именно чувственность обманывается в этом отношении. В то же время чувственность выступает отправной точкой критики экономики и идеологии. Без объяснения устройства чувственности непонятно, как отличить коммунистически реабилитированную «всесторонне развитую человеческую индивидуальность» от рафинированного и эстетизированного разносторонним потреблением буржуазного денди (Маркс, Энгельс 1968: 281). Таким образом, достаточно важными остаются следующие вопросы: какая это чувственность, какая у нее онтология, как она устроена и как с ней работать?

Считается, что в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс находится под влиянием антропологии Фейербаха (Маркс, Энгельс 1975: 124) и трактует чувственность исходя из его «Сущности христианства»; и что дальше из этой трактовки вырастает важность роли труда и анализа отношений в процессе производства. Суть же **эпикурейской гипотезы** состоит в том, что *Sinnlichkeit* периода Рукописей 1844 года уже содержит в себе эллинистическую основу, а фейербаховские мотивы в трактовке чувственности у Маркса накладываются на греческую атомистику. Действительно, в докторской диссертации Маркс всего один раз ссылается на «Историю новой философии» (Фейербах 1974). «Сущность Христианства» (Фейербах 1965) вышла уже после того, как докторская диссертация Маркса была закончена и отослана в университет. Более того, нет никаких упоминаний и ссылок на специфическое понимание чувственности у Фейербаха в рукописях, которые отражают процесс работы Маркса над диссертацией — «Тетрадах по эпикурейской философии». Однако еще во время учебы в университете Маркс познакомился с работами Фейербаха по истории философии, и, возможно, эти работы действительно повлияли на него как на исследователя. Можно предположить, что к их изучению Маркс пришел благодаря знакомству с работами отца Фейербаха, специалиста

по уголовному праву, статьи которого попали в поле интереса молодого Маркса гораздо раньше.

Интерес к греческой атомистике, предопределивший затем его переход на позиции материализма, мог возникнуть у Маркса под влиянием отца его будущей жены, барона Вестфалена. Греческие натуралисты были одним из его любимых предметов, и, несомненно, он первым заинтересовал молодого Маркса этим направлением исследований. Отсюда ясно, почему докторская диссертация имеет посвящение именно барону фон Вестфалену (Маркс, Энгельс 1974: 149). Во всяком случае, мы видим, что чисто биографически этот клубок можно только сплести — распутать его крайне затруднительно. Переписка тоже не дает однозначного ответа.

С уверенностью можно установить только следующую последовательность интересов молодого Маркса: христианская основа, эллинистическое дополнение, гегельянство, юриспруденция, Фейербах, политэкономическая литература. В историко-философском плане мне приходится сделать следующее заключение: Маркс солидаризируется с Фейербахом лишь на время — с целью критики гегельянской философии. Гегель, а не Фейербах был его стратегической целью.

Экспозиция чувственности

Вернемся к вопросу о чувственности уже исходя из эпикурейской гипотезы¹³. Из нее становится очевидно, что онтологической подосновой понятия «чувственность» у раннего Маркса является атомистическая физика, и именно такая трактовка чувственности позволяет Марксу сформулировать свой коммунистический проект в Рукописях 1844 года. Эпикурейская гипотеза позволяет нам более точно объяснить суть раннего социально-антропологического проекта Маркса и показать, какая это чувственность и как она будет реабилитирована при коммунизме. Путем к раскрытию механизмов работы чувственности послужит реконструкция атомистической теории восприятия.

Атомистическая теория восприятия как гносеологическая

¹³ Совершенно неважно, по сути, откуда натуралистический смысл этого понятия и уход именно в его перцептивную трактовку. Был ли он предопределен интересом к атомистическим доктринам античности или возник уже под влиянием Фейербаха, у которого понятие *Sinnlichkeit* также одно из центральных. Пожалуй, это не важно и чисто биографически, учитывая на кого ссылается Маркс через Фейербаха (на Гассенди, а через него на Эпикура).

основа марксова антропологического проекта позволяет прорабатывать уже сам коммунистический проект на новом витке эволюции марксизма — в свете теории ассамбляжей (Деланда), онтологии объектов (Харман, Леви Брайант), акторно-сетевой теории (Латур), ингуманизма (Негарестани), а, возможно, и из понимания субстанции как совпадения (Регев). Таким образом, эпикурейская гипотеза дает широкие операциональные возможности в интерпретации коммунистического проекта.

В чем суть эпикурейской теории восприятия/чувственности и что сближает ее с современными онтологическими средами? Эпикур исходит из парменидовской гипотезы, которую перефразирует буквально в самом начале наброска своей теории: ничто не возникает из несуществующего и не обращается в ничто (Эпикур 1979: 408). Основной онтологический тезис эпикуреизма — «все существует всегда» — представляет собой диахроническую развертку тезиса Парменида. Отсюда следует нерушимость атома: при делении как способе поиска первоначала вещей мы не можем достичь ничто, мы будем всегда иметь дело с нечто. Второй тезис Эпикура имеет гносеологический статус: «все, что есть, существует как воспринимаемое чувствами». Чувственное восприятие есть гарант непротиворечивости и содержательности в суждениях. Третий тезис объединяет два предыдущих: «все, что мы воспринимаем, есть тело». Таким образом устанавливается онто-гносеологическая связка. Буквально этот тезис означает следующее: все, что есть в чувствах, а также и сами чувства — это тела. Этот тезис служит основой сенсуалистской трактовки чувственности и ее достоверности, потому что, так же как и в столкновении атомов, чувственность есть касание. Не стану подробно восстанавливать ход дальнейшего структурирования эпикурейской онтологии (см.: O’Keefe 1997). Важно, что уже из этого понимания чувственности следует ее бессубъектность.

Процесс чувственной данности есть взаимодействие атомарных составов, взаимопроникновение одного атомарного ансамбля (эйдола) в другой (душа, которая тоже есть скопление атомов), обмен атомами. Фиксация чувственного данного есть сенсорное закрепление одного атомарного состава в другом, поэтому у чувственности, а вслед за этим и у эпикурейской физики, появляется этическое измерение. Неподходящие атомарные вкрапления могут разрушить атомарный ансамбль души, она перестанет воспринимать, следовательно, перестанет жить.

А ведь быть живой для души — это и значит воспринимать¹⁴. Отсюда гедонистический принцип избегания неподходящих восприятий, ведь неподходящие контакты — это кратчайшая дорога к смерти. Но, опять же, не буду и здесь распространяться слишком подробно, чтобы удержать нужный нам остаток (см.: McCarthy 1990).

Благодаря эпикурейской трактовке в чувственности соединяются материализм и бессубъектность. А именно, чувствовать и обладать богатством чувственного опыта — значит видоизменяться, трансформироваться в процессе восприятия, быть открытым к сторонним взаимодействиям и трансгрессировать. Индивидуальность не стабильна, она пластична, — не презумпция, но опция; в ней нет корпускулярной идентичности¹⁵. Второе следствие эпикурейской гипотезы, такое же важное в марксистской парадигме: чувственность других — это и моя чувственность. Ассамбляжи переплетены — через то, чем пополняются в процессе чувственности другие, проходит то, чем вскоре буду пополняться и я; поэтому невозможно изменить отдельного индивида, не изменив социальные условия его присутствия (становится понятно, откуда в «Немецкой идеологии» происходит критика Единственного у Штирнера¹⁶). А если мы говорим о реабилитации чувственности, то речь всегда будет идти о социальной трансформации (вспомним образ Христа

¹⁴ Отсюда выводится преодоление страха смерти: когда мы воспринимаем, смерти еще нет; когда перестаем воспринимать — смерти уже нет. Поэтому бояться смерти глупо.

¹⁵ Говоря о диссертации Маркса, Гарет Стедман Джонс (Stedman Jones 2016) интерпретирует ее строго в либеральном ключе, противопоставляя, на мой взгляд, довольно поверхностно, самосознание у Эпикура гегельянской вере в союз государства и романтизма. Когда Маркс характеризует Эпикура как «величайшего философа самосознания», он вовсе не имеет в виду некой корпускулярной идентичности, которая в эпикурейской трактовке могла бы содержать в себе автономию и, в этом смысле, быть последним оплотом и онтологическим основанием для частной собственности. Маркс понимает Эпикура гораздо глубже: самосознание (*selbstbewusstsein*) функционирует на уровне тяжести и твердости самих тел, а «автономия» определяется не удаленностью небесных тел (например, метеоров) и их уклонением от детерминизма, а принципом частичности объяснения, работающим на атараксию, когда любой универсальный закон ложен, потому что не знает своих границ, а поэтому он и мистичен, и страшен для души. Настоящее спокойствие дает только понимание ограниченности любого закона, частичности любого объяснения — через это Маркс приходит к принципу праксиса. Свобода клинамена в том, что он не универсален, он должен быть, но может не случиться; возможно отклонение и от клинамена. Именно поэтому эпикуреизм — это не детерминизм.

¹⁶ Подробнее о связи этой критики с концепцией самого Маркса в выбранный период см. в статье А. Б. Баллаева (1999).

и виноградной лозы как сети). В такой рецепции эпикурейской гипотезы смыкается ранний антропологический идеал Маркса-гимназиста и более поздние его рассуждения о зауженности чувств (Рукописи 1844 года), разрывов в них, возникающих при обладании («О краже леса» 1843 года (Маркс, Энгельс 1955а: 119–160) и проблема реабилитации чувственности из первого наброска коммунистического проекта.

Реабилитация чувств при таком понимании чувственности может быть осуществлена несколькими способами. Не имея возможности перечислить все примеры, предлагаю сосредоточиться на двух.

Вторичное воспроизведение — Повторение

Поскольку чувственное переживание — это тактильный контакт и вкрапление частиц мира друг в друга, то оно оставляет след — аллегорически это принцип улитки или мелка — на пути, пройденном восприятием, остаются следы атомарных составов, обеспечивающих перцептивность и содержащих ее историю. Возвращение и вторичное проживание предыдущего опыта в этом случае предстает как собирание своего атомарного состава, приращение чувственности, рассеянной в различных регионах опыта мира. Блестящий пример такой технологии дает Кьеркегор в эссе «Повторение» (1997). Возвращение к предыдущему опыту и его вторичное проживание соединяет обогащение чувств с этическим измерением человеческого опыта. Важно, куда я возвращаюсь. Герой «Повторения» возвращается в регион желаемого, подходящего (в эпикурейской терминологии) события, взаимодействие с которым было связано с удовольствием и, следовательно, с подходящими ансамблевыми взаимодействиями. Герой возвращается затем, чтобы пополнить свою чувственность, рассеянную и растраченную последующими нежелательными взаимодействиями. Возвращается в то место, где был подходящий контакт с миром.

Связь повторения с возвращением на место, с топосом и вещами, которые служат опорными точками касания, свидетельствует еще раз в пользу связи концепции повтора или вторичного воспроизведения с сенсуалистской картой чувственности (Софронов 2009). В вещах запечатлены атомарные остатки восприятий. События воспроизводятся по топологическим точкам и тактильным меткам, которыми являются вещи. Возвращение к памяти вещей позволяет пополнить растраченную чувственность.

Кадрирование, перегруппировка, работа искусства

Вещи — это стабильные среды опыта, содержащие некий инвариантный показатель; он не гарантирует их объектную стабильность, но гарантирует перцептивную стабильность. Можно назвать это привычным способом данности, основанным на принципе экономии мышления,— при восприятии мы сводим непривычные взаимодействия к привычным, стабилизируем восприятия, фиксируя становящееся через уже бывшее. Функция искусства, напротив, состоит в сдвиге шаблонов восприятия, снятии с вещей покрывала их стабильности, внесении в восприятие неопределенности (Фишер-Лихте 2015: 307–317). Достигается такая цель с помощью различных средств: перестановки, подмены, смены контекста, кадрирования, перегруппировки, смешения и другого. Главное, что в данном случае делает искусство,— оно смещает стабильную акцидентальность вещи или события и разблокирует ее, переводя в поток, возвращая становлению.

Работа искусства на первый взгляд противостоит работе техники вторичного воспроизведения или повтора, однако она может также способствовать реабилитации и восстановлению чувственности. Актуализируя чувственность, она смещает восприятие в сторону непривычного и подводит к некоторой предельной границе сам принцип экономии мышления. Этот принцип начинает давать сбои; происходит периодическое зависание в становлении; восприятие в некоторые моменты не объективируется, но вскоре восстанавливается принципом экономии, замыкается в слова и вещи, вновь стремится к акцидентальности, к закреплению в стабильном инварианте данности.

В статье «О краже леса», противопоставляя Древесину и Лес (*Holz u Wald*) и говоря о собственности и переводе леса в частичность владения, Маркс рассуждает о «разрывах в единой органической ткани мира», которые производятся собственностью. Как мы видим из эпикурейской гипотезы, восстановление органической ткани мира — это не залатывание брешей, образованных владением. Восстановление ткани мира дается через снятие акцидентальной определенности ставшего, через разблокирование вещей и событий и приведение их к становлению. Восстановление единой чувственной ткани мира есть активизация становления. Поэтому эмансипация, на верхних своих стадиях (бессубъектность, дезавуирование ставшего, (Преображенский 2009б) противоположна отчуждению.

Неявное отношение. Постепенно возвращаемся к закрепленным антиномиям марксизма.

В 2009 году во время своего доклада в Москве Жан-Люк Нанси высказал поразительную мысль: бог умер, но весть все еще идет — спрашивается, откуда эта весть и кто ее свидетели? Нанси не дает там же ответа на первый вопрос, а на второй отвечает вполне в хайдеггеровском духе: поэты и художники — свидетели вести отсутствующего бога (Нанси, Подорога 2009). На самом деле и первый вопрос не повисает в воздухе. Нанси сам на него отвечает, полагая бытие множественным (Нанси 2004) и вводя в оборот целое соцветие терминов вокруг приставки со- или ко- (*con-être, co-implication, con-science* и прочие). Источник вести в соотношении, в промежутке, он множественен и закрепляется в утверждении неявного отношения (Nancy 2010). По сходной причине Ален Бадью делает ставку на математику как онтологию, в той мере, в какой она утверждает соотношение, всякий раз разное (Badiou 2006). Зачастую, когда в ответ на вопрос об истине мы ждем и ищем источник (книга ли это, ясный всем факт или неявный бог), — ищем истину в некоем утвердительном положении, которое могло бы быть принято всеми без обсуждения и которое само убеждает в своей истинности, — мы не заслуживаем ответа. Напротив, истина, источник вести, в парадигме множественности истоков всякий раз утверждается через неявное отношение. Можно сформулировать одно **противоречие в понимании истины**, выражающее это неявное отношение: с одной стороны, истина — это то, что где-то уже существует и может быть найдено (дескрипция, герменевтика); с другой стороны, истина — это то, что нигде не существует и может утверждаться только как выявление отношения (конструктивность, контингентность)¹⁷.

Это соотношение в понимании истины прямо сказывается и на нашей работе. В марксизме мы можем либо обнаружить некое существующее положение дел, либо выявить какое-то неявное отношение — например, суть чувственности, а через нее и новый горизонт коммунистического проекта.

Через понимание истины как неявного отношения мы можем прийти к углубленной трактовке «критики предъявлением», характерной для марксизма.

¹⁷ И то, и другое работает не замещая друг друга: одно у Гуссерля, в виде категориального созерцания, другое у Мейясу — последний противопоставил эти два понимания истины напрямую, через подрыв закона достаточного основания (Meillassoux 2006).

Это не просто удвоение контекста, не только и даже не столько концептуалистский жест, предъявляющий вещь сразу в двойном статусе и делающий явным зияние, смещение смысла. Критика предъявлением, и, в целом, отмеченная нами контрреволюционная тенденция структурного поворота в марксизме прорабатывает эту неоднозначность в трактовке истины, выражающуюся в выявлении неявного отношения. Она, с одной стороны, предъявляет неоднозначность вещи, невозможность закрепить ее, поскольку топология как способ работы здесь нерелевантна, а с другой, показывает, как истина о вещи утверждается через отношения — например, трудовые отношения, отношения производства, формы стоимости и обращения капитала. Исходя из этого обстоятельства, важно понимать, в частности, превращенные формы (Мамардашвили 1970) не как некий безличный интерфейс, который управляет нашим поведением и оценкой, но как установление истины через соотношение, как способ распределения множественности, позволяющий этой неявной форме отношения высветиться и утвердиться. Роль ранних рукописей Маркса и значение эпикурейской гипотезы понимания чувственности здесь вряд ли можно переоценить.

Теперь попытаюсь описать онтологические установки, обеспечивающие функционирование критики предъявлением в круге тех антиномий, которые я предварительно обозначил. Раскрою собственно онтологический смысл этих антиномий и роль чувственности в этом вопросе.

Изобрести наблюдателя

Вернувшись к вопросу о чувственности, предлагаю вновь обратить внимание на ее атомистическую составляющую — эпикурейскую трактовку восприятия. Можно сказать, что в центральном положении эпикурейской гипотезы теория Маркса находит удобный пункт, позволяющий утвердить критику предъявлением как новое отношение в понимании социальности. Напомню это центральное положение — «восприятие есть тело». Поскольку нет ничего, кроме тела, и душа телесна — состоит из атомов (пусть и более тонких, то есть быстрых с точки зрения свойств), постольку нет наблюдателя как точки, как топоса. Он устанавливается каждый раз заново как неявное отношение в процессе структурирования атомарных ассамбляжей. В то же время, в атомистической теории восприятия исчезает различие между духом и телом (оно по сути и не нужно для понимания того, как восприятие устроено

(Лукреций 1945: 149–155) и, получается, что наблюдающий есть удвоение чувственного опыта, «сенсуса». То же самое вторичное переустройство неявного отношения происходит, к примеру, с аффектом в эпикурейской теории восприятия. Аффект — это не чувствование и переживание, а эффект неподходящего или подходящего атомарного взаимодействия. Удовольствие — эффект подходящего взаимодействия, то есть того, которое не нарушает ансамбль души, тогда как страдание — эффект неподходящего взаимодействия, приближающего атомарный состав души к тому, чтобы он перестал воспринимать (Делёз 1998). То есть восприятие это борозда на камне, телесный след в ассамбляже души, но он не должен быть настолько сильным, чтобы, условно говоря, расколоть этот камень пополам. Здесь мы видим, что классическое для западной метафизики удвоение на восприятие и воспринимающего для эпикурейской физики не онтологично, а вторично и устанавливается через описание самого процесса восприятия. Переустановка воспринимающей инстанции из топологической характеристики восприятия на вторичное отношение чрезвычайно важна для соединения физики и этики в эпикуреизме, соединения, которое как раз и достигается через теорию восприятия — эпикурейский контекст чувственности.

Маркс работает с этим приемом, обеспечивающим упрощение фигуры восприятия, ее уплощение, выравнивание двоящей онтологической инстанции в проясненное и выявленное отношение. Воспринимающий не предшествует восприятию, а восстанавливается всякий раз как отношение — как истина восприятия. Маркс понимает, что чувствовать значит изобрести чувствующего, поэтому для него проблема отчуждения решается через переизобретение чувствующего. Если бы чувствующий был онтологической инстанцией и предшествовал восприятию, то нельзя было бы говорить о деградации чувственности и требовать ее реабилитации. Ведь тогда какой чувствующий, такие и чувства. У Маркса с точностью до наоборот: какие чувства, таков и чувствующий. Поэтому требование реабилитации чувственности — это не утопия и не конструктивистская абстракция, предпосылающая желаемое отношение нежелательному положению дел. Требование реабилитации чувственности, сформулированное в коммунистическом проекте раннего Маркса, — это требование установления истины, переизобретения отношения и наблюдателя.

Путь установления такого истинного отношения Маркс предлагает, когда вводит структурные формы переописания ка-

питалистического устройства. Мы ошиблись, не навели должным образом резкость и не произвели правильной перекалибровки масштаба, когда установили на первом шаге анализа, что критика предъявлением это удвоение, подобно удвоению контекста в концептуальном искусстве; когда мы указали, что Маркс предъявляет структуру капитала, чтобы ее разрушить, переместив наш взгляд с помощью коммунистического проектирования в другое место, в место утопии, и таким образом показать капиталистическое отношение как нежелательное отношение. Это общее место в понимании коммунистического проекта, по сути, не выдерживает критики. Дело здесь обстоит по-другому: Маркс с помощью описания структур капиталистического отношения переустанавливает фигуру воспринимающего. Вводит все необходимые параметры, чтобы произвести описание капиталистической чувственности. Таким образом, в марксизме устанавливается новое отношение истины по отношению к капиталу. Происходит вторичная онтологизация отношений стоимости и отношений производства. Структура власти и структуры восприятия устанавливаются как истины относительно субъекта капиталистического отношения. Точнее, они устанавливаются в качестве истины и производят в качестве топоса нового субъекта, капиталистически воспринимающего. Но он не берется Марксом как онтологически предшествующий капиталистической чувственности, а устанавливается заново и садится на свое место с помощью перераспределения структур капиталистического отношения. В этом смысле у субъекта капиталистического мира после марксистского описания появляется другое место, нежели в анализах Рикардо и Смита. С помощью введения структур в описание капиталистического отношения происходит не критика капитала, а установление истины мира капитала.

Решение и путь установления этого вторичного отношения, понятые таким образом, позволяют по-новому взглянуть на три антиномии марксизма, которые я предварительно сформулировал выше: антиномии объективации, революционности и конструктивности. Все три антиномии не примиряются, нет, через это отношение, которое мы выявили благодаря пониманию истины как неявного отношения и эпикурейскому пониманию чувственности; антиномии марксизма не примиряются и не разрешаются в снятии, но внутренне переписываются исходя из процедуры установления истины капитализма. На уровне чувственности, на уровне структуры и на уровне критики.

В заключение коротко рисуем основные контуры проблемного отношения, представленного в нашей статье. Внутренние противоречия марксизма, зафиксированные нами в виде трех антиномий, имеют позитивный характер и позволяют этому направлению развиваться и в XXI веке. Понятно, что гегелевское снятие с сохранением (*Aufhebung*) разрабатывалось не для «плоского мира», а для мира, устроенного иерархически, в котором работают процедуры восхождения, соподчинения и координации по принципам родо-видовой вертикали (Braidotti 2002). Для мира, с которым работают современные плоские онтологии, диалектика приобретает иные черты и состоит в переподключении, взаимном наложении нескольких антиномий — диалектических диспозитивов¹⁸ — когда одно отношение работает поверх другого; участвует в различных наслаивающихся ассамбляжах. Процедура критики предьявлением, с помощью которой Маркс выделяет и описывает структуры капиталистических отношений, основывается на выявлении неявного отношения как способе понимания и установления истины. Этот контекст описания, в свою очередь, вводится у Маркса исходя из натуралистического понимания чувственности и бессубъектной онтологии эпикурейцев. Коммунистический проект, сформулированный ранним Марксом через требование реабилитации чувственности, предполагает процедуру переустановки наблюдателя — изобретение новой чувственности. Таким образом, структурно противоречащие друг другу антиномии объективации и революционности, по сути, есть наслаивающиеся друг на друга ансамбли, участвующие в производстве субъективности. Здесь начинает работать уже не декартовская, вмененная субъективация, а переписание отношения в процессе взаимодействия, — удвоение воспринимающего в процессе восприятия.

По сути, в «Капитале» происходит именно такое удвоение, изобретение нового субъекта капиталистического отношения, утверждение истины мира капитала как переизобретение онтологического отношения. Это выглядит как двойное экспонирование (выражается в сформулированной первоначально антиномичности), а по сути есть полная реализация требования

¹⁸ Например, различие между критикой идеологии как утверждением объективированных форм соседствует в коммунистическом проекте с преодолением акцидентальной определенности, установленных порядков вещей и их значений. Благодаря такому соседству возникает новый диалектический диспозитив — возможность предьявлять формы господствующей идеологии через переписание значений стоящих за ним феноменов.

реабилитации чувственности, сформулированного еще в раннем коммунистическом проекте. Операция удвоения «сенсуса», взятая из эпикурейской теории восприятия, реализуется в двойном экспонировании марксистского описания Капитала. Она представляет собой утверждение обновленной чувственности, которая схватывается в операции истинности (выявления принципиально новых моментов в отношениях), направленной на описание капиталистических структур.

Антиномии объективации и революционности выявляются в плоском мире благодаря иному функционированию диалектики. Две эти антиномии проявляются в процедуре двойного экспонирования (критики предъявлением в «Капитале»). Двойное экспонирование возникает не благодаря введению конструктивистской утопии и смене контекста рассмотрения, а благодаря процедуре удвоения чувственного и возникновению новой субъективности в критическом анализе «Капитала». Такое удвоение появляется у Маркса в продолжение усвоенной им эпикурейской физики и специфического понимания чувственности. Процедура двойного экспонирования в Капитале является реализацией коммунистического требования реабилитации чувственности, сформулированного еще ранним Марксом исходя из эпикурейской гипотезы. Структурные описания, сделанные Марксом в «Капитале», выявляют истину коммунистической чувственности.

Библиография

- Адо, Пьер (2005). *Духовные упражнения и античная философия*. М.: Степной ветер.
- Баллаев, Андрей (1999). «К. Маркс и М. Штирнер. Спор об „иерархии»». В кн. *Карл Маркс и современная философия*. М.: ИФ РАН.
- Бодрийяр, Жан (2006). *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Республика, Культурная революция.
- Бодрийяр, Жан (2007). *К критике политической экономики знака*. М.: Академический проект.
- Вирно, Паоло (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс».
- Делёз, Жиль (1998). «Лукреций и натурализм». В кн. *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. Томск: Издательство «Водолей».
- Делёз, Жиль, Гваттари, Фелликс (2010). *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
- Долар, Младен (2014). «Атом и пустота — от Демокрита до Лакана». *Новое литературное обозрение*, № 6(130): 16–28.
- Жижек, Славой (2008). *Устройство разрыва. Параллаксное видение*. М.: Издательство «Европа».
- Коломиец, Галина, Ляшенко, Павел (2018). «Чувственность в философско-антропологической концепции Маркса-антиутописта». *Вестник РУДН*, Серия:

- Философия, № 4: 434–445.
- Кондрашов, Петр (2019). *Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты*. М.: URSS.
- Кьеркегор, Серен (1997). *Повторение*. М.: Лабиринт.
- Лапин, Николай (1968). *Молодой Маркс*. М.: Политиздат.
- Лукач, Георг (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: «Логос-Альтера».
- Лукреций (1945). *О природе вещей. Поэма*. М: Издательство академии наук СССР.
- Любутин, Константин (1988). *Фейербах: философская антропология*. Свердловск: Уральский университет.
- Мамардашвили, Мераб (1970). *Форма превращенная*, в *Философская энциклопедия*, т. 5. М. «Советская энциклопедия», 1970.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1955а). *Сочинения*, т. 1. М.: Изд-во политической литературы.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1955б). *Сочинения* т. 3. М.: Изд-во политической литературы.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1956). *Из ранних произведений*. М.: Политиздат.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1968). *Сочинения*, т. 46, часть 1 М.: Изд-во политической литературы.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1974). *Сочинения*, т. 40. М.: Изд-во политической литературы.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (1975). *Сочинения*, т. 42. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс, Карл (1968). *Математические рукописи*. М.: Наука.
- Маркс, Карл (2018). *Капитал*. СПб.: Лениздат.
- Нанси, Жан-Люк (2004). *Бытие единичное множественное*. Минск: Логвинов.
- Нанси, Жан-Люк, Подорога, Валерий (2009). «Сакральное в современном обществе». *Русский Журнал*. <http://www.russ.ru/pole/Sakral-noe-v-sovremennom-obschestve>.
- Нанси, Жан-Люк (2016). «Бог без исповеди и исповедания». *Европейский университет в Санкт-Петербурге*. <https://eu.spb.ru/news/16911-bog-bez-ispovedi-i-ispovedaniya>.
- Подорога Валерий (2008). «Власть и сексуальность (тема диспозитива у М. Фуко). Наброски и комментарии». *Синий диван*, № 12: 34–48.
- Подорога, Валерий (1995). *Феноменология тела: введение в философскую антропологию*. М.: Ad Marginem.
- Преображенский, Герман (2008). «Ранний Маркс и греческая атомистика». В кн. *Россия сегодня: Гуманизация социально-экономических отношений. VI Марксовские чтения*. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та.
- Преображенский, Герман (2009а). «Лес живой и мертвый: вопрос о собственности в ранних сочинениях К.Маркса». *Вестник РГГУ, Серия «Философия. Социология»*, № 12/09: 28–36.
- Преображенский, Герман (2009б). «О понятии „эмансипация“ в ранних работах К.Маркса». В кн. *Гражданогенез в России*. Брянск: Курсив.
- Преображенский, Герман (2011). *Смысл коммунизма. Опыт ретроспективного исследования*. СПб.: Алетея.
- Преображенский, Герман (2014). *Этика разделенного опыта*. СПб.: Алетея.
- Рансьер, Жак (2007). *Разделяя чувственное*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Регев, Йозель (2015). *Коинцидентология: краткий трактат о методе*. СПб.: Транслит.
- Софронов, Владислав (2009). *Л.Коммунизм чувственности. Читая Кьеркегора*,

- Пруста, Кафку, Маркса. М.: Территория будущего.
- Фейербах, Людвиг (1965). *Сущность христианства*. М.: Мысль.
- Фейербах, Людвиг (1974). *История философии*, т. 1. М.: Мысль.
- Фишер-Лихте, Эрика (2015). *Эстетика перформативности*. М.: Международное театральное агентство «Play&Play», Издательство «Канон+».
- Хардт, Майкл, Негри, Антонио (2004). *Империя*. М.: Праксис.
- Харман, Грэм (2015). *Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера*. Пермь: Гиле Пресс.
- Чубаров, Игорь (2014). *Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Эпикур (1979). «Фрагменты Эпикура». В кн. Диоген Лаэртский, *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М.: Мысль.
- Althusser, Louis (1977). *Reading Capital*. L: New Left Books.
- Attali, Jacques (2005). *Karl Marx ou l'esprit du monde*. Paris: Fayard.
- Badiou, Alain (2006). *Logiques des Mondes. L'Être et l'Événement, 2*, Paris : Seuil.
- Braidotti, Rosi (2002). *Metamorphoses: Towards a Materialist theory of Becoming*. L.: Polity Press.
- Eagleton, Terry (2011). *Why Marx Was Right*. New Haven & London: Yale University Press, 2011.
- DeLanda, Manuel (2006). *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory And Social Complexity*. NY-L.: Bloomsbury Academic.
- Heinrich, Michael (2019). *Karl Marx and the Birth of Modern Society: The Life of Marx and the Development of His Work*. Volume I: 1818–1841. New York: Monthly Review Press.
- Karimova, Guli-Sanam (2018). *Von der Erkenntnistheorie der Natur zur Idee der Praxis – Eine marxische Auseinandersetzung mit der Naturphilosophie Demokrits und Epikurs*. Kassel: Kassel University Press GmbH.
- Marx, Karl (1973). *Grundrisse*. NY: Penguin Books in association with New Left Review.
- Marx, Karl (1981). *Marx – Engels – Gesamtausgabe (MEGA)*. Vierte Abteilung, Bd. 2. Berlin.
- McCarthy, George (1990). *Marx and the Ancients: classical ethics, social justice, and nineteenth-century political economy*. Savage: Rowman & Littlefield Publ.
- Meillassoux, Quentin (2006). *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris: Seuil.
- Nancy, Jean-Luc (2010). *L'Adoration, Déconstruction du christianisme II*. Paris: Galilée.
- O'Keefe, Timothy (1997). «The Ontological Status of Sensible Qualities for Democritus and Epicurus». *Ancient Philosophy*, Vol. 17: 119–134.
- Rethinking Marxism (1998). *Rethinking Marxism*, Vol. 10, № 3.
- Sanyal, Kalyan (2007). *Rethinking Capitalist Development: Primitive Accumulation, Governmentality and Post-Colonial Capitalism*. London.
- Sperber, Jonathan (2013). *Karl Marx: A Nineteenth Century Life*. London: W. W. Norton & Company.
- Stedman Jones, Garret (2016). *Karl Marx: Greatness and Illusion*. London: Allen Lane.

German Preobrazhensky

German Preobrazhensky

Associate Professor of Philosophy, Tyumen State University,

6 Volodarsky Street, Tyumen, Tyumen region 625003

E-mail: e1525@mail.ru

On the Question of the Antinomies of Marxism (using the example of the manuscripts of early Marx)

Abstract

The article attempts to clarify the connection of two trends in Marxist ontology—revolutionary and counter-revolutionary—with the anthropological project of the early Marx. It is explained how Marx’s early studies of ancient naturalists influenced his later descriptions of the structural aspects of the functioning of capital. The question of sensuality is considered separately, and its role in the early Marxist project is interpreted in a new way. The Epicurean hypothesis of the origin of the understanding of sensuality in early Marx is introduced.

Keywords

Early Marx, Epicurus, atomistics, sensuality, antinomy, revolution, objectification, dialectics, alienation, reification

References

- Althusser, Louis (1977). *Reading Capital*. London: New Left Books.
- Attali, Jacques (2005). *Karl Marx ou l'esprit du monde*. Paris: Fayard.
- Badiou, Alain (2006). “Logiques des Mondes”. In *L'Être et l'Événement*, 2, Paris : Seuil.
- Ballayev, Andrey (1999). “K. Marks i M. Shtirner. Spor ob “ierarkhii”” [K. Marx and M. Stirner: the discussion on hierarchy]. In *Karl Marx i sovremennaya filosofiya* [Karl Marx and contemporary philosophy]. Moscow: IF RAN.
- Baudrillard, Jean (2006). *The Consumer Society*. London: SAGE Publications.
- Baudrillard, Jean (1981). *For A Critique Of The Political Economy Of The Sign*. St. Louis: Telos Pr.
- Braidotti, Rosi (2002). *Metamorphoses: Towards a Materialist theory of Becoming*. London: Polity Press.
- Chubarov, Igor (2014). *Kollektivnaya chuvstvennost: Teorii i praktiki levogo avangarda*

- [Collective sensuality: theory and practice of the left-wing avant-garde]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- DeLanda, Manuel (2006). *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory And Social Complexity*. London: Bloomsbury Academic.
- Deleuze, Gilles (2017). "Lucretius and Naturalism" [1961]. In *Contemporary Encounters With Ancient Metaphysics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Deleuze, Gilles, Felix Guattari, and Brian Massumi (2013). *A Thousand Plateaus*. London: Bloomsbury.
- Dolar, Mladen (2013). "The Atom and the Void – From Democritus to Lacan." In *Filozofski Vestnik* [Philosophical herald] XXXIV.2: 11–26.
- Eagleton, Terry (2011). *Why Marx Was Right*. New Haven: Yale University Press.
- Epicurus, George K Strodach, and Titus Lucretius Carus (2019). *The Philosophy Of Epicurus*. Mineola, NY: Dover Pubns.
- Feuerbach, Ludwig, and Marian Evans George Eliot (2011). *The Essence Of Christianity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fischer-Lichte, Erika (2004). *Ästhetik Des Performativen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hadot, Pierre (2002). *Exercices Spirituels Et Philosophie Antique*. Paris: Albin Michel.
- Hardt, Michael, and Antonio Negri (2001). *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press
- Harman, Graham (2011). *The Quadruple Object*. Winchester: Zero Books.
- Heinrich, Michael (2019). *Karl Marx and the Birth of Modern Society: The Life of Marx and the Development of His Work. Volume I: 1818-1841*. New York: Monthly Review Press.
- Karimova, Guli-Sanam (2018). *Von der Erkenntnistheorie der Natur zur Idee der Praxis – Eine marxische Auseinandersetzung mit der Naturphilosophie Demokrits und Epikurs*. Kassel: Kassel University Press GmbH.
- Kierkegaard, Søren, M. G Piety, Edward F Mooney, and Søren Kierkegaard (2009). *Repetition*. Oxford: Oxford University Press.
- Kolomiets, G.G., and P.V. Lyasheko. 2018. "Sensuality In The Philosophical And Anthropological Concept Of Marx-Antiutopist". *RUDN Journal Of Philosophy* 22.4: 434-45.
- Kondrashov, Pyotr (2019). *Filosofia Karla Marksa: Ekzistentsialno-antropologicheskiye aspekty* [Karl Marx's philosophy: existential and anthropological aspects]. Moscow: URSS.
- Lapin, Nikolai (1968). *Molodoy Marks* [The young Marx]. Moscow: Politiszat.
- Lukács, György, and Rodney Livingstone (2013). *History And Class Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press
- Lucretius Carus, Titus, and Martin Ferguson Smith (2001). *On The Nature Of Things*. Indianapolis: Hackett.
- Lyubutin, Konstantin (1988). *Feierbakh: filosofskaya antropologiya* [Feuerbach: the philosophical anthropology]. Sverdlovsk: Uralsky universitet.
- Mamardashvili, Merab (1970). "Forma prevraschennaya" [The transformed shape]. In *Filosofskaya entsiklopediya*, [Encyclopedia of philosophy], Vol. 5. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
- Marx, Karl (1973). *Grundrisse*. New York: Penguin Books in association with New Left Review.
- Marx, Karl (1981). *Marx – Engels – Gesamtausgabe (MEGA)*. Vierte Abteilung, Vol. 2. Berlin.
- Marx, Karl (1985). *Mathematical Manuscripts Of Karl Marx*, London: New Park Publications.
- Marx, Karl, and Friedrich Engels (1985). *Karl Marx, Frederick Engels*. London: Lawrence & Wishart.
- Marx, Karl, Ben Fowkes, and David Fernbach (1990). *Capital*. New York, Penguin Books in association with New Left Review.

- Marx, Karl, Friedrich Engels, and Hildegard Scheibler (1990). *Werke*. Berlin: Dietz.
- Marx, Karl, Friedrich Engels, and Erich Kundel (2006). *Werke*. Berlin: Karl Dietz.
- Marx, Karl, and Paul M Schafer (2006). *The First Writings Of Karl Marx*. Brooklyn, NY.: Ig Pub.
- Marx, Karl, and Friedrich Engels (2010). *Marx and Engels Collected Works*, Vol. 38. UK: Electric Book.
- McCarthy, George (1990). *Marx and the Ancients: Classical Ethics, Social Justice, and Nineteenth Century Political Economy* London: Rowman & Littlefield.
- Meillassoux, Quentin (2006). *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris: Seuil.
- Nancy, Jean-Luc, and Robert D Richardson (2009). *Being Singular Plural*. Stanford: Stanford University Press.
- Nancy, Jean-Luc and Valery Podoroga (2009). “Sakralnoye v sovremennom obshchestve” [The sacred in the modern society]. *Russkiy Zhurnal*. <http://www.russ.ru/pole/Sakral-noe-v-sovremennom-obshchestve>.
- Nancy, Jean-Luc (2016). “God Without Confession and Profession”. European University at St. Petersburg. <https://eusp.org/en/events/bog-bez-ispovedi-i-ispovedaniya>
- Nancy, Jean-Luc (2010). *L'Adoration, Déconstruction du christianisme II*. Paris: Galilée.
- O’Keefe, Timothy (1997). “The Ontological Status of Religious Qualities for Democritus and Epicurus”. *Ancient Philosophy* Vol. 17: 119–34.
- Podoroga, Valery (2008). “Vlast i seksualnost (tema dispozitiva u M. Fuko). Nabroski i komentarii” [Power and sexuality (Foucault’s concept of dispositive). Drafts and commentary]. *Siniy divan*, 12: 34–48.
- Podoroga, Valery (1995). *Fenomenologiya tela: vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu* [Phenomenology of the body: introduction into philosophical anthropology]. Moscow: Ad Marginem.
- Preobrazhensky, German (2008). “Ranniy Marx i grecheskaya atomistika” [Early Marx and the Greek atomistics]. In *Rossiya segodnya: Gumanizatsiya sotsialno-ekonomicheskikh otnosheniy. VI Marksovskiyechteniya*. Nizhnevartovsk: Izd-vo Niznevart.gumanit. un-ta.
- Preobrazhensky, German (2009a). “Les zhivoy i mertvy: vopros o sobstvennosti v rannih sochineniyah K. Marksa” [The living and dead forest: the issue of ownership in the early works by K. Marx]. *Vestnik RGGU*, “Filosofia, Sotsiologiya” series, 12.9: 28–36.
- Preobrazhensky, German (2009b). “O ponyatii “emansipatsiya” v rannih rabotah K. Marksa” [On the concept of emancipation in the early works by K. Marx]. In *Grazhdanogenez v Rossii* [Civil genesis in Russia]. Bryansk: Kursiv.
- Preobrazhensky, German (2011). *Smysl kommunizma. Opyt retrospektivnogo issledovaniya* [The meaning of communism. The practice of a retrospective investigation]. St. Petersburg: Aleteya.
- Preobrazhensky, German (2014). *Etika razdelenogo opyta* [The ethics of the shared experience]. St. Petersburg: Aleteya.
- Rancière, Jacques (2000). *Le Partage Du Sensible*. La Fabrique Editions.
- Regev, Yoel (2015). *Koinsidentologiya: kratky traktat o metode* [Coincidentology: a short essay on the method]. St. Petersburg: Translit.
- Rethinking Marxism* (1998). *Rethinking Marxism*, 10.3.
- Sanyal, Kalyan (2007). *Rethinking Capitalist Development: Primitive Accumulation, Governmentality and Post-Colonial Capitalism*. London: Taylor and Francis.
- Sofronov, Vladislav (2009). *L. Kommunizm chuvstvennosti. Chitaya Kierkegora, Prusta, Kafku, Marksa* [L. Communism of sensuality: reading Kierkegaard, Proust, Kafka, and Marx]. Moscow: Territoriya buduschego.
- Sperber, Jonathan (2013). *Karl Marx: A Nineteenth Century Life*. London: W. W. Norton

Marxism and Philosophy

& Company.

Stedman Jones, Garret (2016). *Karl Marx: Greatness and Illusion*. London: Allen Lane.

Virno, Paolo (2010). *A Grammar Of The Multitude*. Cambridge, MA: Semiotext(e).

Wolfgang Harich, and Werner Schuffenhauer (2006). *Ludwig Feuerbach. Gesammelte Werke/Das Wesen Des Christentums*. Berlin: De Gruyter.

Žižek, Slavoj (2009). *The Parallax View*. Cambridge, MA: MIT Press.